

© Чихачев А.Ю.¹

Франция между США и КНР в Индо-Тихоокеанском регионе: трудности «третьего пути»

Аннотация. В статье исследуется Индо-Тихоокеанское направление внешней политики современной Франции. Отмечается, что основная стратегия французского руководства в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) – попытка балансировать между США и КНР, развивая при этом собственный проект, получивший название «третий путь». Указывается, что Париж стал проявлять повышенное внимание к разработке этой стратегии после «кризиса подлодок» 2021 г., когда Австралия свернула сотрудничество с Францией в пользу новообразованного блока AUKUS. Изучаются концептуальное и практическое содержание идеи «третьего пути», ее дальнейшие перспективы. Показывается, что на выстраиваемую Парижем альтернативу пока трудно ориентироваться, причем не только при постановке долгосрочных целей, но и при решении прикладных вопросов; при этом Э. Макрон сопровождает свои программные заявления взаимоисключающими оговорками. Рассматриваются многочисленные примеры растущей вовлеченности французской дипломатии в ситуацию в ИТР, в том числе недавние официальные визиты, двусторонние документы, военно-технические соглашения.

¹ Чихачев Алексей Юрьевич – кандидат политических наук, научный сотрудник, ИМИ МГИМО МИД РФ; старший преподаватель, Кафедра европейских исследований, СПбГУ; alexchikhachev@gmail.com ORCID: 0000-0002-7648-8087

Выявляется несколько подгрупп приоритетных партнеров Франции в регионе: державы, рассматривавшиеся в качестве таковых еще до 2021 г. (Индия, Япония); страны, интерес Франции к которым сейчас стал существенно выше (некоторые члены АСЕАН – Индонезия, Сингапур, Вьетнам); государства Океании, чей суверенитет Париж предлагает «оберегать» от китайского влияния (Вануату, Папуа-Новая Гвинея). Делается вывод, что французская активность в ИТР пока остается неоднородной и не имеет достаточных концептуальных и ресурсных основ, чтобы стать полноценной альтернативой политике США и КНР. Подчеркивается, что Франция использует риторику «третьего пути», чтобы подкрепить свой статус на международной арене, сохранить хотя бы частичную «свободу рук» в условиях, когда ее реальные возможности по сравнению с «грандами» мировой политики уже откровенно невелики.

Ключевые слова: Франция, США, КНР, Индо-Тихоокеанский регион, «третий путь», АСЕАН, AUKUS, военно-техническое сотрудничество, Эммануэль Макрон.

Введение

В настоящее время одним из наиболее динамично развивающихся направлений в системе внешнеполитических приоритетов Пятой республики является политическая линия, связанная с Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР). Хотя Париж уже давно сохраняет военно-политическое и экономическое присутствие в данном регионе, определенные стратегии по ИТР (и даже сам этот термин) стали артикулироваться в кабинетах Елисейского дворца лишь при Э. Макроне, объявившем в 2018 г., что Франция считает себя здесь полновесным региональным игроком [Discours du président..., 2018]. С самого начала своего пребывания у власти Э. Макрон давал понять, что основной целью Парижа в ИТР является не присоединение к разворачивающемуся соперничеству на стороне либо США, либо Китая, а консолидация стран, избегающих делать однозначный выбор в пользу одного из двух лидеров. Этот подход со временем получил неофициальное наименование «третий путь»; по задумке Елисейского дворца, в продвижении по этому пути должны были быть заинтересованы как минимум Индия и Австралия (т.е. одни из основных покупателей французских вооружений), потенциально – Япония, а также Европейский

союз. При этом подчеркивалось, что французский проект лишь дополняет созданные ранее конфигурации (прежде всего, формат QUAD с участием США, Австралии, Индии и Японии) и подразумевает широкое многостороннее сотрудничество, а не конкуренцию за одних и тех же участников [Discours du président..., 2019].

Всего за несколько лет, прошедших с момента провозглашения стратегии «третьего пути», она претерпела и определенные взлеты, и чувствительные падения. К числу первых можно (с натяжкой) отнести появление «Стратегии ЕС по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе» (к чему все эти годы призывал Елисейский дворец), опубликованной в 2021 г.; первое приглашение Парижа на саммит АТЭС в 2022 г.; удержание Новой Каледонии в составе Пятой республики по итогам трех референдумов о самоопределении¹ [Чихачев, 2023]. Главным же негативным событием стал так называемый «кризис подлодок», разразившийся в сентябре 2021 г. Присоединение Австралии к блоку AUKUS (и расторжение дорогостоящего контракта с Францией на строительство субмарин) не только продемонстрировало уязвимость французской стратегии, но и высветило тот факт, что у Парижа нет никаких реальных вариантов введения контрмер [Чернега, 2024, с. 99]. Тем не менее, несмотря на «кризис подлодок», Э. Макрон продолжал отстаивать выбранную линию, полагая, что «третий путь» оптимально отвечает интересам Франции и других европейских держав в ИТР. По итогам своего визита в КНР в апреле 2023 г. он заявил, среди прочего, что в «тайваньском вопросе» ЕС не должен автоматически следовать за Вашингтоном, вовлекаясь в ненужный ему конфликт: быть союзником не означает быть вассалом [Leali, 2023].

Разнообразные проблемы и приоритеты Индо-Тихоокеанской стратегии Франции неоднократно становились предметом исследований российских и зарубежных авторов [Рубинский, Фёдоров, 2021; Rajon, 2021; Scott, 2019]. Поэтому в настоящей работе представляется уместным сфокусироваться на менее изученном аспекте, а именно – на самой идее «третьего пути» как стержне всей политики Франции в регионе. Соответственно, основная

¹ Как показали дальнейшие события, ситуация не исчерпала себя тремя референдумами, ведь весной 2024 г. в Новой Каледонии разгорелись массовые протесты против нового избирательного закона.

задача статьи – разобраться, чем на самом деле является указанное понятие – выражением подлинно альтернативной стратегии французской дипломатии или лишь претензией на оригинальность. Для этого необходимо, во-первых, определить, какое содержание сам Париж вкладывает в идею «третьего пути»; во-вторых, выявить круг приоритетных стран, которые французская дипломатия (особенно после «кризиса подлодок») наиболее активно стремится заинтересовать своим подходом. В теоретико-методологическом плане автор ориентировался на «практический» подраздел критической геополитики [Окунев, 2014], в рамках которого изучается правительственный дискурс, касающийся определенного региона (по документам, речам), и, самое главное, его практическая реализация.

Концептуальный уровень: проблема зыбкости стратегии

Анализ позиции французского руководства в значительной степени осложняется тем, что внятного изложения идеи «третьего пути» нет ни в одном основополагающем документе внешней политики Франции: она существует, главным образом, в риторике первого лица и заголовках газет, что позволяет описать ее только в общих чертах. Так, в действующей Стратегии Франции по ИТР (2021) этот термин не использовался вовсе, но говорилось, что, в то время как США и Китай переходят к «мировому стратегическому соперничеству», а «некоторые региональные игроки» озабочены исключительно защитой собственных национальных интересов, Пятая республика «работает на благо многостороннего международного порядка, основанного на праве» [La stratégie de la France..., 2021, p. 10]. В другом документе – Стратегическом национальном обзоре 2022 г. – вводилось понятие «держава равновесия» (*фр.* puissance d'équilibres) и утверждалось, что, выступая в этом статусе, Франция «отказывается замыкаться в логике блокового противостояния», выступает за «военно-политический мультилатерализм», выработку устойчивой региональной архитектуры безопасности [Revue nationale..., 2022, p. 15, 44]. Отдельной строкой критиковались перспективы географического расширения активности НАТО, в том числе на ИТР [Ibid., p. 39–40]. В целом, согласно Стратегическому обзору, роль «балансира» должна была стать основой обновленной «державной политики» Франции по

отношению ко всем регионам мира, ключевым элементом ее самопозиционирования в меняющейся мировой иерархии в целом. Однако суть этого «балансирования» оставалась неясной, особенно с учетом того, что Париж, считаящий себя неотъемлемой частью «коллективного Запада», по всем пунктам присоединился к оценкам международной обстановки, озвученным в 2022 г. в «Стратегическом компасе» ЕС и Стратегической концепции НАТО (в том числе – в части признания системного соперничества с Китаем).

Примечательно, что поначалу о «третьем пути» не говорили ни сам Э. Макрон, ни его министры: потенциально намечавшаяся региональная коалиция неприсоединившихся стран чаще всего (и более осторожно) именовалась «Индо-Тихоокеанской осью» (*фр.* *axe indo-pacifique*). Это могло объясняться, с одной стороны, опасениями вызвать недопонимание у двух геополитических «грандов» – США и КНР; с другой – признанием того факта (о чем говорили даже в окружении президента [Rousseau, 2022]), что для обретения статуса полноценной «третьей силы», играющей в ИТР на равных с лидерами, Франции явно недостает совокупного потенциала. Однако после образования AUKUS французское руководство начало более последовательно подчеркивать альтернативность своей стратегии по сравнению с линиями Вашингтона и Пекина. В частности, выступая на саммите АТЭС в ноябре 2022 г., Э. Макрон, хотя еще не использовал термин «третий путь», тем не менее заявил, что вместо «гегемонистских проектов» ИТР нуждается в «другой философии», в «динамической равновесии», при котором разные центры силы неизменно уважали бы суверенитет друг друга [Déplacement du Président..., 2022]. Он даже подобрал соответствующую метафору, уподобив региональную обстановку «джунглям», а США и Китай – «слонам», от вражды которых страдают все остальные обитающие здесь «звери». По мысли Э. Макрона, именно кооперация всех остальных игроков региона может оказать стабилизирующее воздействие на региональную архитектуру безопасности, сдержав дальнейшее раскручивание спирали конфронтации [Ibid.].

Наконец, в следующем году термин «третий путь» прозвучал из уст президента напрямую – в речи перед послами (август 2023 г.), затем в ходе визита в Бангладеш (в сентябре того же года). Однако и в устной форме, как и в ранее принятых стратегических доку-

ментах, сущность рассматриваемой концепции улавливается с трудом, и президент пока не счел нужным непротиворечиво описать ее специфику. Часть своего выступления перед дипломатическим корпусом Э. Макрон посвятил объяснению идеи о «прагматичном подходе» к Китаю: сотрудничество с Пекином, пусть «без наивности» и «на основе жестких требований», все же планируется развивать по всем вопросам, представляющим взаимный интерес [Conférence des ambassadrices..., 2023]. В 2022–2023 гг. именно Франция попыталась взять на себя роль главного архитектора взаимодействия ЕС – КНР, приглашая на переговоры с Председателем КНР еще и главу Еврокомиссии У. фон дер Ляйен. Кроме того, Париж уделял особое внимание российско-китайскому сближению: через Пекин представлялось возможным как-то повлиять на Россию, чтобы изменить ее позицию по «украинскому вопросу» (а также – воздействовать на КНДР для соблюдения оружейного эмбарго).

Однако тут же последовал реверанс в сторону США: по словам французского президента, «третий путь» не означает «равноудаленности», а с учетом общих ценностей и военно-политического взаимодействия он пролегает гораздо ближе к Вашингтону, чем к Пекину [Ibid.]. Здесь в скобках стоит напомнить, что всего через несколько месяцев после «кризиса подлодок» Франция урегулировала отношения с каждым членом AUKUS, предположив, что в отдаленной перспективе сможет присоединиться к этому блоку, а пока – займет место в ближнем круге его союзников.

Таким образом, с одной стороны, Э. Макрон назвал французскую стратегию «неконфликтной» по отношению к Китаю¹, с другой – пообещал «не уступать» КНР; признал ограниченность французского потенциала в ИТР – и сразу же обозначил место своей страны «в передовом отряде» новой коалиции.

Как в этом выступлении Э. Макрона, так и в его последующих заявлениях остались без ответов многие вопросы прикладного характера, как то: на какой организационной основе будет формироваться движение по «третьему пути», вокруг каких проектов и с

¹ Официальный Париж традиционно придерживается принципа «одного Китая». На острове Тайвань в отсутствие полноценного посольства действует «Французское бюро».

чьим участием оно будет строиться? Находясь с визитом в США (декабрь 2022 г.), Э. Макрон предпочел рассуждать о давних союзнических связях Парижа и Вашингтона; принимая в Париже Си Цзиньпина (май 2024 г.) предложил налаживать диалог ЕС – КНР по торговым, научно-техническим и иным вопросам.

Другими словами, нетрудно заметить, что идея «третьего пути» пока остается зыбкой: кроме абстрактных призывов не допустить сваливания ИТР в биполярную конфронтацию, французское руководство не предлагает ничего, что можно было бы сделать концептуальной основой данной идеи. Как отмечают некоторые французские эксперты, без должной конкретизации пока вся риторика «третьего пути» и «державы равновесия» вызывает лишь недоумение в стане партнеров Франции и, в первую очередь, у США, склонных видеть в столь вольных рассуждениях потенциальную угрозу трансатлантической солидарности [Quelle est la stratégie..., 2022]. С. Пажон из Французского института международных отношений (*фр.* Institut français des relations internationales, IFRI) предположила, что Парижу следовало бы стремиться не к неопределенному статусу «державы равновесия», а к роли «конструктивного актора» в ИТР, ставящего перед собой реалистичные задачи [Pajon, 2023 a]. При этом М. Дюшатель из Института Монтеня (*фр.* Institut Montaigne) указал, что, по его информации, после «кризиса подлодок» продвижением концепции «третьего пути» занимается только сам Э. Макрон, но не чиновники из его администрации и министерств, полагающие, что такая политическая линия приведет лишь к дальнейшему размыванию французских позиций в ИТР [Duchâtel, 2023].

В ответ на подобные соображения стоит заметить, что эфемерность предлагаемого Э. Макроном подхода в некотором смысле является и его преимуществом: не беря на себя никаких конкретных обязательств и не задавая определенных параметров, французское руководство пытается сохранить «свободу рук» для действий по ситуации (своего рода «стратегическую двусмысленность»). По мнению вышеупомянутой С. Пажон, стратегия «третьего пути» в ИТР вписывается «в более широкую дипломатическую повестку Франции при Макроне: обеспечить значимость и статус страны в условиях изменения мирового порядка» [Pajon, 2023 b, p. 72]. Для Франции борьба за статус ныне означает способность генерировать как можно больше идей, обозначать свою

«державность» любыми доступными способами – и зачастую именно риторически [Чихачев, 2024]. Таким образом, на Индо-Тихоокеанском направлении французское руководство попросту применяет ту же логику действий, что и в других регионах, считая необходимым сначала привлечь внимание к своей позиции и лишь затем по возможности дополнять ее практическими шагами.

Практическое наполнение: полифония партнерств

Вместе с тем утверждать, что стратегия «третьего пути» существует исключительно на словах, тоже было бы преувеличением. Как было сказано выше, после создания AUKUS французское руководство не стало переосмысливать свою Индо-Тихоокеанскую политическую повестку, однако сохранило в целом достаточно высокий уровень активности в регионе, добившись определенных сдвигов в отношениях с рядом своих партнеров. Здесь будет уместно выделить несколько наиболее показательных примеров, обобщив их в три группы.

Во-первых, на протяжении 2022 – первой половины 2024 г. сохранялся интерес к взаимодействию с державами, которые еще до «кризиса подлодок» считались ключевыми звеньями французской «оси», прежде всего – с *Индией*. В январе 2024 г. французский президент побывал в Индии с двухдневным визитом (в ответ на поездку Н. Моди в Париж шестью месяцами ранее). Как отмечает аналитик О. Гийяр, индийская пресса единодушно отметила укрепление франко-индийского сотрудничества в разных секторах; называла французов едва ли не «лучшими друзьями Индии»; а также обращала внимание на то, что Э. Макрон удачно занял свободную нишу, став главным западным гостем на Дне Республики в отсутствие Дж. Байдена [Guillard, 2024]. Опубликованная по итогам визита двусторонняя декларация предполагала дальнейшее взаимодействие Парижа и Нью-Дели в различных областях – от сельского хозяйства до культуры [Déclaration commune..., 2024]. Среди наиболее значимых направлений сотрудничества – космос (меморандум о сотрудничестве по запуску спутников); продолжение подготовительных работ по строительству АЭС «Джайтапур»; военно-технические контакты (интерес Индии к покупке еще 26 истребителей «Рафаль» в дополнение к ранее полученным 36, а

также трех подлодок «Скорпен»). В документе отмечалось, что обе стороны желают видеть ИТР в качестве «свободного, открытого, инклюзивного, надежного и мирного» пространства, а также высказывалось намерение восстановить трехстороннее взаимодействие с Австралией и расширить сотрудничество с ОАЭ. В скобках стоит отметить, что именно ОАЭ, ставших крупными клиентами французского ВПК(в авиастроении), ныне воспринимают в Париже как полноценного третьего участника «оси» вместо Австралии. Однако заявления о единой линии по отношению к США и КНР (и даже упоминания о них) во франко-индийской декларации отсутствовали.

Кроме Индии, французская дипломатия не обошла своим вниманием *Японию*. В мае 2024 г. стало известно о разработке соглашения о взаимном доступе (*англ.* Reciprocal Access Agreement, RAA), облегчающем размещение воинских контингентов на территории друг друга и проведение учений. Как отмечали японские СМИ, ранее подобные договоры Токио подписывал только с самыми близкими союзниками – США, Великобританией, Австралией [Japan, France to agree..., 2024]; Париж же имеет аналогичные договоренности с Австралией и Индией. По большому счету речь идет о переводе на постоянную основу уже существующей практики, ведь ранее французские и японские военнослужащие неоднократно участвовали в совместных мероприятиях [Pflimlin, 2022]. В любом случае, все это не особенно похоже на движение по некому автономному пути, скорее – на углубление сотрудничества между двумя союзниками внутри западного лагеря, тем более, что в некоторых совместных форматах участвуют США. Несмотря на то, что, по мнению С. Пажон, «французские чиновники, как правило, полагают, что Япония слишком близка к Соединенным Штатам, тогда как их японские контрагенты считают французский подход к Китаю чересчур примирительным» [Pajon, 2024], военнотехническое взаимодействие двух стран имеет общий знаменатель – «сдерживание» Китая, из-за чего следование по автономному пути вместе с Токио становится для Парижа проблематичным.

Во-вторых, в качестве новых возможных спутников Франции на «третьем пути» в ИТР рассматриваются *страны – участницы АСЕАН*. Поворот Пятой республики к АСЕАН наметился в ноябре 2021 г., когда Франция и Вьетнам подписали «Декларацию об общих взглядах на сотрудничество в сфере обороны на период до

2028 г.» [Le Scolan, Mottet, 2024]. В 2022 г. Индонезия выразила заинтересованность в приобретении все тех же истребителей «Рэфаль» и субмарин «Скорпен» – «визитных карточек» французской оборонной промышленности в регионе. В том же году было заключено соглашение с Сингапуром о взаимной логистической поддержке: порт Сингапура время от времени становился конечным пунктом для дальних походов авианосца «Шарль де Голль» (в частности, в 2023 г.). Исследователи М. Ле Сколан и Э. Мотте отмечают, что на волне успеха экспорта французских вооружений на местные рынки французская дипломатия может включить в число партнеров Пятой республики Малайзию и Филиппины [Ibid.]. По их мнению, для государств – членов АСЕАН Франция имеет преимущество по сравнению с США и Китаем – как «стабилизирующая сила», уважающая суверенитет стран Юго-Восточной Азии, готовая вносить конструктивные инициативы (в том числе для выстраивания диалога ЕС–АСЕАН) и избегающая прямых конфликтов, что в целом совпадает с внешнеполитическими ориентациями АСЕАН [Ibid.]. Взаимодействие с АСЕАН может сформировать добавочный круг стратегических партнеров Франции в ИТР в дополнение к основному (с участием Индии и Японии).

В-третьих, новым направлением деятельности французской дипломатии в регионе стало взаимодействие с малыми островными государствами *Океании*. Об этом Э. Макрон рассуждал в июле 2023 г. во время визита на принадлежащие Франции территории (Новую Каледонию, Французскую Полинезию), а также в Вануату и Папуа-Новую Гвинею. Выступая в Порт-Виле (Вануату), он заявил, что Пятая республика имеет достаточно военно-политических инструментов для защиты суверенитета островных стран, а также готова активно вкладываться в их развитие [Déplacement..., 2023]. Любопытно, что в данном случае слова Э. Макрона об «уважении суверенитета» объяснялись даже не желанием направить Океанию по «третьему пути», а, скорее, стремлением помочь ей выбрать «правильную» сторону: «защититься от новых видов империализма» [Déplacement..., 2023] – здесь явно подразумевался Китай, последовательно расширяющий свое экономическое присутствие в регионе; какая-либо критика в адрес США – хотя бы для соблюдения баланса – так и не прозвучала.

Стоит отметить, что немногим ранее Франция поддержала новый проамериканский (и антикитайский) формат «Партнеры в

голубом Тихом океане» (*англ.* «Partners in the Blue Pacific»), хотя и не присоединилась к нему. По мнению российского журналиста-международника В. Гулевича, Париж, с одной стороны, опасается, что принадлежащие ему владения в ИТР могут избрать курс на сближение с Пекином; с другой – рассчитывает компенсировать упадок своего великодержавного статуса, наметившийся из-за неудач в Африке, за счет расширения активности в Океании [Гулевич, 2023].

Вышеприведенные примеры показывают, что после «кризиса подлодок» Франция стала активнее артикулировать концепцию «третьего пути», пытаясь подключить к ней широкий спектр стран, отличающихся как по внешнеполитическим ориентациям, так и по весу в региональных делах. Тем не менее вся эта деятельность больше похожа не на стратегию в строгом смысле слова, а на разрозненный набор соглашений, визитов и заявлений, с трудом увязывающихся в единую систему в отсутствие общей нормативно-правовой, институциональной и ценностной базы. Единственным исключением пока стало создание в апреле 2023 г. франко-индийско-японской платформы для реструктуризации внешней задолженности Шри-Ланки (что, впрочем, не имеет принципиального значения в связи с неучастием в данном формате главного кредитора – Китая). Хорошо заметна и разница в уровнях двусторонних диалогов: если с Индией Франция успела продвинуться достаточно далеко, то диалог с государствами АСЕАН и тем более со странами Океании еще только запускается. Главной «ударной силой» французской стратегии в ИТР остается экспорт вооружений, однако чрезмерная ставка на него в свое время как раз и привела к «кризису подлодок».

Отвечая на вопрос, поставленный в начале исследования, можно сделать вывод, что в настоящее время идея «третьего пути» в ИТР скорее является для Парижа лишь ярким лозунгом, средством подкрепления статуса; это заметно как на концептуальном, так и на практическом уровнях. Французское руководство испытывает сложности с определением самой сути «третьего пути», пытаясь (в духе макроновского стиля «*en tête temps*»¹) подчеркивать альтернативность своей политической линии по отношению к курсам

¹ И в то же время... (*фр.*).

США и КНР, не исключая при этом возможности сотрудничества с каждым из этих государств по отдельности. По сути, рассуждения Э. Макрона не идут далее самоочевидного соображения о недопустимости американо-китайского столкновения, от которого пострадает весь регион; в остальном же Елисейский дворец хочет сохранить максимальную «свободу рук» при минимальной ответственности. Между тем подобная риторика Парижа встречает недопонимание со стороны других западных стран (особенно США и Японии), считающих, что в условиях нарастающей «китайской угрозы» стратегия балансирования лишь расшатывает единство «коллективного Запада». Без внятного целеполагания размывается и смысл практических шагов Пятой республики по сближению с отдельными странами в ИТР, хотя с 2021 г. перечень партнеров продолжает пополняться. В свою очередь, для многих региональных собеседников Елисейского дворца отношения с Францией – лишь одно из направлений многовекторной политики, функционально дополняющее остальные компоненты.

Представляется, что французская политика в ИТР будет достаточно противоречивой (какой она оказалась по воле Э. Макрона) еще как минимум несколько лет – до следующей крупной неудачи вроде «кризиса подлодок» или пока следующий президент (с 2027 г.) не скорректирует подход. Тем не менее ни сейчас, ни в перспективе вариант с превращением Парижа в полноценную «третью силу» в регионе не просматривается. Военный потенциал Франции (без учета сил, приходящих на учения, в заморских департаментах базируются всего около 8 тыс. военнослужащих и несколько малых кораблей) не идет ни в какое сравнение не только с американским и китайским, но и с быстро растущими возможностями региональных держав – Индии, Японии, Южной Кореи и иных. Однако и откровенно признать свою второстепенную роль Франция не готова, ведь основная максима ее внешней политики, сформированная еще при Ш. де Голле, – претендовать на особый статус, даже не имея на то достаточных оснований. В этом специфическом смысле линия Э. Макрона сохраняет преемственность по отношению к деятельности его предшественников. Весьма вероятно, что эта преемственность сохранится как на Индо-Тихоокеанском векторе, так и на других региональных направлениях и при его преемнике на посту президента, какую бы политическую силу он ни представлял.

Литература / References

Гулевич В. (2023). Франция сосредоточится на Океании? // Международная жизнь. – Москва. – 05.10. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42539> (дата обращения: 06.08.2024) [Gulevich V. (2023). Will France concentrate on Oceania? [*Frantsiya sosredotochitsya na Okeanii?*] // International affairs. – Moscow. – 05.10. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42539> (date of access: 06.08.2024)]. (In Russian).

Окунев И.Ю. (2014). Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика / МГИМО (У) МИД РФ. – Москва. – № 4. – С. 6–14 [Okunev I.Yu. (2014). Critical geopolitics and post-critical shift in geopolitical research paradigm [*Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskii sdvig v issledovatel'skoi paradigme geopolitiki*] // Comparative politics / MGIMO University. – Moscow. – N 4. – P. 6–14]. (In Russian). DOI: 10.18611/2221–3279–2014–5–4–6–14.

Рубинский Ю.И., Фёдоров С.М. (2021). «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия // Аналитические записки Института Европы РАН. – Москва. – № 29. – С. 5–11 [Rubinskiy Yu.I., Fedorov S.M. (2021). The «submarine crisis» and its possible consequences [*Krizis podvodnykh lodok*] i ego vozmozhnye posledstviya] // Analytical papers of the Institute of Europe RAS. – Moscow. – N 29. – P. 5–11]. (In Russian).

Чернега В.Н. (2024). «Держава Европа» по Э. Макрону: мираж или реальная перспектива? // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 85–105 [Chernega V.N. (2024). «Power Europe» according to E. Macron: mirage or real prospect? [*Derzhava Evropa*] po E. Makronu: mirazh ili real'naya perspektiva?] // Current problems of Europe / РАН, INION. – Moscow. – N 1. – P. 85–105]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.05.

Чихачев А.Ю. (2023). Военно-политическая стратегия Франции в ИТР после создания AUKUS // Мировая экономика и международные отношения / РАН, ИМЭМО. – Москва. – № 12. – С. 60–70 [Chikhachev A.Yu. (2023). France's military and political strategy in the Indo-Pacific after creation of AUKUS [*Voenno-politicheskaya strategiya Frantsii v ITR posle sozdaniya AUKUS*] // World economy and international relations / RAS, IMEMO. – Moscow. – N 12. – P. 60–70]. (In Russian). DOI: 10.20542/0131–2227–2023-67-12–60–70.

Чихачев А.Ю. (2024). Праздник, который уже не с тобой // Россия в глобальной политике. – Москва. – № 1. – С. 151–164 [Chikhachev A.Yu. (2024). An already Immoveable Feast [*Prazdnik, kotoryi uzhe ne s toboi*] // Russia in global affairs. – Moscow. – N 1. – P. 151–164]. (In Russian). DOI: 10.31278/1810–6439–2024–22–1-151–164.

Conférence des ambassadrices et des ambassadeurs: le discours du Président Emmanuel Macron. (2023) / Elysée. – Paris. – 28.08. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/08/28/conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs-le-discours-du-president-emmanuel-macron> (date of access: 06.08.2024).

Déclaration commune franco-indienne à l'occasion de la visite d'Etat d'Emmanuel Macron, Président de la République française, en Inde. (2024) / Élysée. –

Paris. – 29.01. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/01/29/declaration-commune-franco-indienne-a-loccasion-de-la-visite-detat-demmanuel-macron-president-de-la-republique-francaise-en-inde> (date of access: 06.08.2024).

Déplacement au Vanuatu. (2023) / Élysée. – Paris. – 27.07. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/07/27/deplacement-au-vanuatu> (date of access: 06.08.2024).

Déplacement du Président Emmanuel Macron en Thaïlande. (2022) / Élysée. – Paris. – 18.11. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/11/18/deplacement-du-president-emmanuel-macron-en-thaïlande> (date of access: 06.08.2024).

Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, sur la Nouvelle-Calédonie à Nouméa. (2018) / Élysée. – Paris. – 05.05. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/05/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-sur-la-nouvelle-caledonie-a-noumea> (date of access: 06.08.2024).

Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs. (2019) / Élysée. – Paris. – 27.08. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (date of access: 06.08.2024).

Duchâtel M. (2023). La crédibilité de la France dans l'Indopacifique: premières pistes / Institut Montaigne. – Paris. – 30 p. – URL: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/la-credibilite-de-la-france-dans-lindopacifique-premierest-pistes-note-denjeux.pdf> (date of access: 06.08.2024).

Guillard O. (2024). Visite (sereine, aboutie) du Président Macron en Inde: l'analyse de la presse locale / Institut EGA. – Paris. – 30.01. – URL: <https://www.institut-ega.org/l/visite-%28sereine%2C-aboutie%29-du-president-macron-en-inde-%3A-l'analyse-de-la-presse-locale/> (date of access: 06.08.2024).

Japan, France to agree to start negotiations on new security pact. (2024) // Kyodo News. – Tokyo. – 01.05. – URL: <https://english.kyodonews.net/news/2024/05/a4d59ef7e748-japan-france-to-agree-to-start-negotiations-on-new-security-pact.html> (date of access: 06.08.2024).

La stratégie de la France dans l'Indopacifique. (2021) / Gouvernement. – Paris. – 78 p. – URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/fr_a4_indopacifique_022022_dcp_v1-10-web_cle017d22.pdf (date of access: 06.08.2024).

Leali G. (2023). Je ne regrette rien: Macron defends his comments on not being US «vassal» over Taiwan // Politico. – Brussels. – 12.04. – URL: <https://web.archive.org/web/20240417064934/https://www.politico.eu/article/je-ne-regrette-rien-macron-doubles-down-on-taiwan-comments-les-echos-us-backlash-from-white-house/> (date of access: 06.08.2024).

Le Scolan M., Mottet E. (2024). Indonésie, Singapour, Vietnam: quelles perspectives pour le second cercle des partenariats stratégiques de la France en Indo-Pacifique? / IRIS. – Paris. – 15 p. – URL: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2024/03/Asia-Focus-215_LE-SCOLAN-Marie.pdf (date of access: 06.08.2024).

Pajon C. (2021). AUKUS, the Indo-Pacific, and France's role: fluctuat nec mergitur / RIAC. – Moscow. – 22.09. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics->

and-comments/analytics/aukus-the-indo-pacific-and-france-s-role-fluctuat-nec-mergitur/
(date of access: 06.08.2024).

Pajon C. (2023 a). France in the Indo-Pacific: from a balancing power to a constructive stakeholder // Asia policy / National bureau of Asian research. – Seattle, WA. – N 3. – P. 69–81. DOI: 10.1353/asp.2023.a903865.

Pajon C. (2023 b). France's Indo-Pacific approach: salvaging the rules-based order and staying relevant // The transformation of the liberal international order / Ya. Hosoya, H. Kundnani (Dirs.). – Singapore: Springer Singapore. – P. 65–74. DOI: 10.1007/978-981-99-4729-4.

Pajon C. (2024). Visite de Fumio Kishida à Paris: la relation France–Japon mérite mieux // Lettre du Centre Asie / IFRI. – Paris. – N 109. – 6 p.

Pflimlin E. (2022). France-Japon: un partenariat d'exception réaffirmé // IRIS. – Paris. – 24.01. – URL: <https://www.iris-france.org/164131-france-japon-un-partenariat-dexception-reaffirme/> (date of access: 06.08.2024).

Quelle est la stratégie de la France? // Le Collimateur. – Paris. – 29.11. – URL: https://podcasts.nu/avsnitt/le-collimateur/quelle-est-la-strategie-de-la-france--qWcXCfQV_ (date of access: 06.08.2024).

Revue nationale stratégique. (2022) / Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. – Paris. – 60 p. – URL: <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Revue%20nationale%20strategique%20-%20Français.pdf> (date of access: 06.08.2024).

Rousseau Y. (2022). Emmanuel Macron propose sa «troisième voie» aux pays émergents d'Asie-Pacifique // Les Echos. – Paris. – 20.11. – URL: <https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/emmanuel-macron-propose-sa-troisieme-voie-aux-pays-emergents-dasie-pacifique-1880805> (date of access: 06.08.2024).

Scott D. (2019). France's «Indo-Pacific» strategy: regional power projection // J. of military and strategic studies. – Calgary. – N 4. – P. 76–103.

DOI: 10.31249/ape/2024.04.10

© Chikhachev A.Yu.¹

France between the US and China in the Indo-Pacific: the challenges of the «third way»

Abstract. *This article examines France's foreign policy towards the Indo-Pacific region (IPR). It is noted that the main strategy of the French*

¹ **Chikhachev Alexey Yurievich** – PhD in Political Sciences, Researcher, Institute for International Studies, MGIMO-Univ.; Senior Lecturer, Department of European Studies, Saint Petersburg State Univ.; alexchikhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7648-8082

leadership in the IPR is an attempt to balance between the USA and China, while developing its own project, called the «third way». Paris began to show increased attention to the development of this strategy after the «submarine crisis» of 2021, when Australia curtailed cooperation with France in favor of the newly formed AUKUS bloc. The article analyzes the essence and implications of the «third way», as well as its prospects. It is shown that the alternative advocated by Paris is still difficult to navigate not only with regard to long-term goals, but also with a number of applied issues, while President Macron accompanies his program statements with mutually exclusive remarks. Various examples of the growing involvement of French diplomacy in the situation in the IPR are considered, including recent official visits, bilateral documents, defense agreements. Several groups of France's priority partners in the region are identified: 1) regional powers which were important for Paris even before 2021 (India, Japan); 2) countries whose relevance for France has recently grown (some ASEAN members – Indonesia, Singapore, Vietnam); 3) states of Oceania, whose sovereignty Paris proposes to «protect» from Chinese influence (Vanuatu, Papua New Guinea). The article concludes that French activity in the region remains uneven and lacks sufficient conceptual and resource basis to be considered a full-fledged alternative to the policies of the United States and China. It is suggested that France is using the rhetoric of the «third way» to reinforce its status in the international arena and maintain at least partial freedom of action in the face of its increasingly limited international influence.

Keywords: France, USA, China, Indo-Pacific, «third way», ASEAN, AUKUS, defense cooperation, Emmanuel Macron.

Статья поступила в редакцию (Received) 15.05.2024
Доработана после рецензирования (Revised) 31.05.2024
Принята к публикации (Accepted) 10.06.2024